УДК 008(516)=512.1:008(575.1+574)‘1930-е/1940-е’
DOI: 10.32340/2514-772X-2019-1-62-66

В. А. Бармин, доктор исторических наук, профессор,
Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)
ist-vi@altspu.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО УЙГУРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИНЬЦЗЯНА С НАРОДАМИ СОВЕТСКОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ И ДУХОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Охарактеризован состав основных направлений и форм сотрудничества уйгурского населения Синьцзяна с народами советской Средней Азии в области социально-культурных и духовных отношений в 30–40-х гг. XX века; авторский анализ вопроса предпринят с опорой на документы и материалы центральных архивов России, мемуарную литературу, факты, содержащиеся в новейшей отечественной и зарубежной историографии. В истории Китая конец первой трети и начало второй трети XX в. отмечен ужесточением борьбы коренных народов провинции Синьцзян за независимость и создание собственной государственности. В условиях эскалации вооруженного противостояния китайская администрация Синьцзяна была вынуждена пойти на ряд уступок многочисленным этносам региона в социально-экономической сфере и культурной жизни. Это позволило народам Синьцзяна – в частности, уйгурам – наладить активные социально-культурные и духовные контакты с этнически родственным населением советских среднеазиатских республик.

Ключевые слова: Синьцзян, северо-запад Китая, Третья ойратско-маньчжурская война, империя Цин, неханьские народы Синьцзяна, уйгуры, ислам, сотрудничество, культура, литература, кинематограф, советские среднеазиатские республики, Узбекистан, Казахстан, Сибирь, евразийство.

Концепция евразийства как теория в относительно целостном виде впервые нашла отражение в материалах сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев», опубликованного группой русских ученых-эмигрантов в Софии в 1921 г. Основные положения этой теории были сформулированы философами и историками: П. Н. Савицким, П. П. Сувчинским, Г. В. Флоровским, Н. С. Трубецким. В материалах этих ученых евразийство понималось как особое социальное движение и особая концепция, определявшая историческое место России между Востоком и Западом.

Идея особенности России, как мы знаем, не нова и в той или иной мере прослеживается в государственной идеологии практически с XIV века. Но в теории евразийства она обрела отпечаток катастрофичности, утраты, падения и в то же время рождения нового в культуре России. Для авторов этой доктрины стало очевидным, что после революционных событий 1917 года и Гражданской войны к прошлому возврата нет. Они приходят в своих рассуждениях к выводу, что русская революция не только подводит итог предшествующему этапу развития России, но и знаменует рождение России новой. При этом, считают они, революция означает, что завершилась европеизация России, период «выпадения» её из рамок европейского опыта, но в то же время появля-

ется свидетельство рождения новой русской «евразийской» культуры.

В основании доктрины евразийства, по сути, лежат 4 основные идеи:

- 1) утверждение особых путей развития России;
- 2) обоснование жизни на христианских началах;
- 3) вера в первичность духовной основы человеческой цивилизации;
- 4) идея идеократического государства, которое есть не что иное, как собирание властей (власти) в единую силу, утверждение единовластия народа.

Авторы концепции евразийства утверждают, что России, ее народам в силу особого «месторазвития» предопределено быть не европейцами, не азиатами – евразийцами, которые создали особую культуру, евразийскую, воплотившую в себе западную и восточную ориентации, – два мира в одном государстве, о котором говорили «славянофилы» и «западники».

В каком-то смысле означенная концепция подтверждалась историческим развитием российского государства и, в частности, активным движением России в Сибирь, на Дальний Восток и в регион Центральной Азии. Это движение началось с XVI века и не останавливалось до конца века XIX. Сюжеты, связанные с присоединением огромных территорий этих

регионов с населяющими их народами, вносят дополнительные элементы в дискуссии евразийцев. Отдельный интерес здесь представляет то, что многие из народов, населявших эти территории, оказались разобщены и вынуждены были жить по разные стороны границ, пытаясь сохранить при этом социально-культурные и духовные связи.

В этом контексте представляется интересным остановиться на событиях, развернувшихся в 30-х гг. XX века на просторах Синьцзяна, крупнейшей северо-западной провинции Китая.

Известно, что задолго до образования Цинской империи военные силы Китая не раз появлялись в северо-западной части Центральной Азии, обозначавшейся в китайской литературе под названием «Западный край» («Си-юй»), но никакой более или менее прочной политической связи с её населением китайцы не имели. Востоковед Б. П. Гуревич отмечал: «Завоевателям так и не удалось закрепить на центральноазиатских рубежах на сколько-нибудь продолжительное время, а тем более, освоить земли Средней Азии и Казахстана. Вторгавшиеся в эти районы лишь эпизодически китайские войска творили насилие над местным населением, грабили его и уходили назад за Великую китайскую стену» [1, с. 47].

Но с 1755 года события стали развиваться иначе. Китайские войска пришли на территорию Джунгарского ханства, имея в качестве формального повода просьбу одного из претендентов на ханский престол Амурсаны об оказании ему помощи в захвате власти. Однако Маньчжуры решили воспользоваться подвернувшимся случаем для захвата Джунгарии. Резня, которую устроили цинские войска при покорении Джунгарии и Восточного Туркестана, имеет немного аналогов в истории человечества. Историк Сибири С. Шашков писал по этому поводу в работе «Рабство в Сибири»: «Джунгария была буквально усеяна трупами, её воды покраснели от пролитой человеческой крови, а воздух был полон дымом от горевших улусов, лесов и трав... Всё, что имело ноги и могло двигаться, бросилось в Сибирь» [2, с. 47]. Авторы фундаментальной работы «Очерки истории Китая с древности до "опиумных войн"» подчёркивали, что «...победа была одержана путём самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгарии» [3, с. 549]. К 1757 году Джунгарское ханство было покорено, и маньчжуро-китайская армия начала захват Кашгарии. В 1759 году с

не меньшей жестокостью она была захвачена. По некоторым данным, цинские войска уничтожили более 1 миллиона человек, при этом население отдельных районов края было истреблено поголовно. В итоге сложившийся на территории Восточного Туркестана и Джунгарии самобытный и экономически сбалансированный мир народов, проживавших здесь, подвергся разрушению и захвату со стороны Китайской империи.

В 1760 году цинские власти объединили Кашгарию и Джунгарию в особую административную единицу – наместничество, которое получило название Синьцзян, что в переводе с китайского означает «новая граница» или «новая территория». Статус провинции Синьцзян получил только в 1884 году. Новая провинция стала в Китайской империи не только крупнейшей в территориальном отношении, но и наиболее многонациональной. В конце XIX века в Синьцзяне проживало более десяти неханьских национальностей: уйгуры, казахи, киргизы, дунгане, монголы, татары, таджики, узбеки, сибиряки, маньчжуры, солонцы, русские. Это обстоятельство, с учётом того что собственно китайцев (ханьцев) в провинции проживало менее 4 % от общего количества населения, стало одной из основных причин, определивших сложные и долговременные проблемы Синьцзяна как в области внутренней политики, так и в международных отношениях.

Социально-экономическое положение коренных народов Синьцзяна оставалось исключительно тяжёлым на протяжении всего периода колонизации. Экономический грабёж многонационального населения провинции, в большинстве своём исповедующего ислам, усугублялся многочисленными ограничениями в области культурной и духовной жизни со стороны колониальных властей. Казахский просветитель и востоковед Чокан Валиханов писал, что даже уйгурские беки могли разговаривать с маньчжурскими или китайскими чиновниками не иначе, как стоя на коленях [4, с. 89]. Сплошь и рядом творилось надругательство над обычаями и традициями местных народов. Сами китайские историки отмечают, что Цины «Препраждали мусульманам путь в органы политической власти, затрудняли развитие их культуры и вообще презрительно относились к мусульманскому народу и его религии» [5, с. 246].

Сложность отношений метрополии с Синьцзяном была заложена изначально и обусловлена по крайней мере тремя причинами.

Во-первых, крайней (то есть военной) формой колонизации и последовавшим затем жесточайшим угнетением и грабежом местных народов. Во-вторых, коренные жители Синьцзяна в своей массе резко отличались от ханьцев по языку, культуре, религии, традициям и обычаям, что делало практически невозможным естественное вхождение этого района в сложившееся в Китайской империи монокультурное поле. И наконец, в-третьих, географическое положение Синьцзяна, который был оторван от метрополии тысячами километров труднопреодолимого пространства, но в то же время граничил с Россией и среднеазиатскими государствами, населёнными этнически близкими народами, что объективно обуславливало его тяготение к сближению с соседями.

Перечисленные обстоятельства являлись в свою очередь причиной многочисленных национально-освободительных восстаний народов провинции, пытавшихся добиться независимости и создания собственных государственных образований.

В 1931–1934 годах здесь разразилось очередное мощное национально-освободительное восстание, направленное против владычества Китая, неханьских народов, исповедовавших в большинстве своём ислам. Основной движущей силой повстанческого движения стало уйгурское население провинции. В то же время социальная база движения включала в себя представителей практически всех народов, проживавших в регионе. В силу целого ряда причин восстание потерпело поражение. Однако китайским властям стало ясно, что прежние формы управления этим громадным регионом, построенные во многом на силовом решении возникавших проблем внутренней политики, более невозможны.

Желание сохранить власть в провинции в своих руках, а саму провинцию в составе Китая подталкивали администрацию к известному сотрудничеству с правящими группами неханьских народов Синьцзяна и теми руководителями только что отгремевшего восстания, которые пошли с ней на компромисс. Губернатор провинции генерал Шен Шицай и его ближайшее окружение уже в ходе восстания осознали невозможность сохранения в прежнем виде системы административного управления провинцией, в которой китайцы в начале 30-х годов составляли менее 5 % населения [6]. При этом весьма заметную роль в действиях губернатора провинции генерала Шен Ши-

цай¹ и его правительства играл фактор сотрудничества с Советским Союзом. Достаточно сказать, что подавление повстанческого движения 1931–1934 гг. было осуществлено во многом благодаря военной помощи со стороны советского государства².

В силу этих обстоятельств политические и социально-экономические реформы в провинции были не только декларированы, но и начали реализовываться на практике после завершения боевых действий с повстанцами. В ходе проведения этих реформ в жизнь во второй половине 30-х годов в правительственные и административные структуры Синьцзяна были введены представители коренных народов: уйгуры, дунгане, казахи, монголы. К 1940 году уйгуры, например, возглавляли около половины округов провинции. Были отменены ограничения в торговле: купцам неханьской национальности представлялись в торговле права равные с купцами-китайцами. Во многих округах «...открылись школы для детей некитайской национальности, начали выходить газеты и книги на языках коренных народов Синьцзяна, весьма активно расширялись культурные связи с советскими среднеазиатскими республиками» [7, л. 31].

С 1934 года начинают весьма активно и динамично расширяться культурные связи Синьцзяна не только с советскими среднеазиатскими республиками, но и с Сибирью. Специальным решением советского правительства «Об обучении синьцзянской молодёжи в СССР», принятом в 1934 году, было положено начало широкой программе подготовки в учебных заведениях Советского Союза специалистов для различных отраслей народного хозяйства Синьцзяна из числа коренных народов [8, л. 144]. По этому постановлению в

¹ Генерал Шен Шицай занял пост губернатора Синьцзяна в 1933 г. в ходе подавления очередного национально-освободительного движения коренных народов провинции. В 30-е годы позиционировал себя сторонником марксизма и даже вступил в 1938 г. в ходе визита в СССР в ВКП(б). Однако после начала Великой Отечественной войны, посчитав поражение СССР неизбежным, сблизился с Чан Кайши и перешел на позиции жесткого антисоветизма. Более подробно см.: Бармин В. А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. Барнаул, 1999.

² Оказывая помощь китайской администрации Синьцзяна в подавлении национального движения коренных народов провинции, советское руководство исходило из того, что лидирующую роль в среде повстанцев стали играть пантюркисты и панисламисты, которые ориентировались в своей политике на Англию. Кроме того, боевые действия на территории провинции серьезно мешали торгово-экономическим связям СССР с Синьцзяном.

высших и средних учебных заведениях Узбекистана, Казахстана, ряда городов Сибири начали учёбу тысячи китайских граждан, проживавших на территории Синьцзяна. К началу 40-х годов таким образом было подготовлено 30 тыс. специалистов различных профессий [9, с. 160].

Предпринимаемые меры оказали достаточно серьёзное влияние на рост уровня общественного сознания населения Синьцзяна. В газетах, листовках, выходивших на национальных языках, стали появляться статьи, обращения, в которых делались попытки разбудить у соплеменников интерес к своему прошлому, напомнить о полуутраченной богатейшей культуре, традициях, вернуть уверенность в возможности реставрации былого величия.

Газета «Янги-Хаят», выходившая на уйгурском языке, посвящала этим вопросам материалы почти в каждом номере. Так 3-го июня 1935 года в статье «Что является причиной отсталости нашего уйгурского народа?» её автор Махмут Мухитов писал: «Всем известно, что бог, пославший коран пророку нашему на горе Хера, трактует: “Учись”. Следующие суры корана трактуют таким образом, чтобы мусульманин знал все науки. Всем нам необходимо познать всё, что необходимо для религии и в жизни, мы же мусульмане Синьцзяна лишены всех этих познаний <...> Довольно братья! Долгое время мы были лишены человеческих достоинств, долго мы спали, теперь в результате революции мы получили право к осуществлению законов корана и пророка. Какие причины мы можем выставить теперь в оправдание нашего невежества?» [8, ф. 532. Оп. 4. Д. 331. Л. 37]. Автор другой статьи – Абдулла Нагими, касаясь этой же проблемы, с болью отмечал: «Каждый народ хранит свой язык и говорит на нём и пишет. У нас есть свой родной язык, язык наших великих уйгур, в старину державших в руках весь мир, украшавших страницы истории, наполняющих своим именем страницы современной литературы и журналов <...> Своей древностью, изяществом, благозвучностью наш язык должен был бы стоять на втором месте после арабского языка...» [8, Ф. 532. Оп. 4. Д. 331. Л. 43]. Между работниками национальной печати Синьцзяна и советских среднеазиатских республик поддерживались тесные контакты. В газетах, выходивших в Советском Союзе на уйгурском языке, после 1934 года стали «...указывать на необходимость при формировании уйгурского литературного языка учитывать и уйгуров Восточного Туркестана» [10,

с. 127]. Газета «Шарк Хакити» по этому поводу писала в одном из своих номеров в 1936 году: «При установлении каждого правила литературного языка мы должны держать в поле зрения Синьцзян. Поэтому наши языковеды должны хорошо знать наречия уйгуров Синьцзяна» [10, с. 127].

Надо отметить, что советская многонациональная культура вообще оказывала в этот период значительное влияние на культуру народов Синьцзяна. Так уйгурские писатели Синьцзяна – Уйгур, М. Саиди, К. Камбари, Нимшади, З. Самади и другие в своих произведениях, выступлениях и воспоминаниях подчёркивали, что на их творчество большое идейно-эстетическое влияние оказывала советская литература, и, в частности, творчество советских уйгурских поэтов и писателей 20–30-х годов – Н. Исраилова, И. Искандерова, А. Муххамеди, Ильдирима, Гулистана.

Большое внимание сотрудничеству народов СССР и Синьцзяна в области культуры уделяли советские консульства в этой провинции. Через консульства в Синьцзян передавались учебники, книги, журналы, газеты, художественные и документальные фильмы. Так, по согласованию между Вторым Восточным отделом НКВД и электронно-технической конторой «Техноэкспорт», только в мае 1938 года в Синьцзян были отправлены 19 наименований художественных фильмов, в том числе такие, как: «Пугачёв», «Волочаевские дни», «Ленин в Октябре», «Если завтра война» и т.д. [11, л. 21]. А за три года, начиная с августа 1935 г. по 1 июля 1938 года, в Синьцзян только через «Совсиньторг» было завезено 400 с лишним копий разных фильмов [11, л. 29]. Благотворный фактор культурных связей Синьцзяна с советскими среднеазиатскими республиками и Сибирью в 30-х гг., влияние этих связей на рост общеобразовательного уровня проживавших здесь народов отмечают большинство исследователей в советской, российской и западной историографии. В свою очередь, следствие этой масштабной и активной работы проявило себя в событиях, связанных с новой волной национально-повстанческого движения коренных народов, развернувшегося в провинции в 40-х гг. XX в.

Список и источников

1. Гуревич, Б. П. Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII–XIX веках // Вопросы истории. 1974. № 9. С. 45–63.
2. Шапков, С. Рабство в Сибири // Дело. Кн. 3. № 1, отд. 1. 1869. С. 163–187.

3. Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн». Москва, 1959. 579 с.
4. Сулейменов, Р. Б. Чокан Валиханов – востоковед / Р. Б. Сулейменов, В. А. Моисеев. Алма-Ата, 1985. 111 с.
5. Гуревич, Б. П. Международные отношения в Центральной Азии. Москва, 1989. 658 с.
6. Богословский, В. А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949) / В. А. Богословский, А. А. Москалев. Москва, 1984. 263 с.
7. Иваненко, В. И. ...Выполняя свой долг: из

записок дипломата. Москва, 1990. 238 с.

8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 16.
9. Мировицкая, Р. Я. Советский Союз в стратегии гоминьдана (30–40-е гг.). Москва, 1990. 234 с.
10. Ерзин, М. И. Становление и развитие уйгурской советской печати. Алма-Ата, 1988. 149 с.
11. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 100-в. Оп. 18. П. 41. Д. 31.

Valerii A. Barmin, Dr. of Historical Sciences, Professor
Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)
ist-vi@altspu.ru

COLLABORATION BETWEEN UYGHURS OF XINJIANG AND PEOPLES OF SOVIET CENTRAL ASIA IN SOCIAL, CULTURAL, AND SPIRITUAL SPHERES

Abstract. The paper discloses the key directions and forms of collaboration between Uyghurs of Xinjiang (China) and peoples of Soviet Central Asia in social, cultural, and spiritual areas in 30s–40s of the 20th century; the author's analysis refers to documents and materials from the biggest Russia's state archives, memoirs, and various facts from the newest Russian and foreign history. In China's history the last decade of first third and the first decade of the second third of the 20th century marked toughening of Xinjiang indigenous peoples' fight for independence and for their own nationhood. Under the pressure of escalation of armed conflict, the Chinese government of Xinjiang had to effect a compromise with many peoples dwelled in the region in various areas of economic and cultural life. This let to peoples of Xinjiang, in particular Uyghurs to run good social, cultural, and spiritual relations with ethnically close population from republics of Soviet Central Asia.

Keywords: Xinjiang, North-West of China, Dzungar genocide (Third Oirat-Manchu War), Qing dynasty, non-Han peoples of Xinjiang, Uyghurs, Islam, collaboration, culture, literature, cinematograph, republics of Soviet Central Asian, Uzbekistan, Kazakhstan, Siberia, Eurasianism.

References

1. Gurevich, B. P. Velikohan'skij shovinizm i nekotorye voprosy istorii narodov Central'noj Azii v XVIII–XIX vekah [Han Chinese's Chauvinism and Some Issues of History of Peoples of Central Asia, 18th – 19th centuries] // Voprosy istorii [Issues of History]. 1974. No. 9. Pp. 45–63. [In Russ.].
2. Shashkov, S. Rabstvo v Sibiri [Slavery on Siberia] // «Delo». [“Case”] Book 3. No. 1, Dep. 1.1869. Pp. 163–187. [In Russ.].
3. Ocherki istorii Kitaya s drevnosti do «opiurnykh vojn» [Essays on Chinese History since Ancientness till “Opium” Wars]. Moscow, 1959. 57 p. [In Russ.].
4. Sulejmenov, R. B. Chokan Valihanov – vostokoved [Shoqan Walikhanov – Orientalist Scholar] / R. B. Sulejmenov, V. A. Moiseev. Alma-Ata, 1985. 111 p. [In Russ.].
5. Gurevich B. P. Mezhdunarodnye otnosheniya v Central'noj Azii [International Relations in Central Asia]. Moscow, 1989. 658 c. [In Russ.].
6. Bogoslovskij, V. A. Nacional'nyj vopros v Kitanе (1911–1949) [Ethnic Issue in China (1911–1949)] / V. A. Bogoslovskij A. A. Moskaev. Moscow, 1984. 263 p. [In Russ.].
7. Ivanenko V. I. ...Vypolnyaya svoj dolg: iz zapisok diplomata [...Carrying Out the Duty: a Diplomat's Memoires]. Moscow, 1990. 238 p. [In Russ.].
8. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)]. Fund 17. List 162. Case 16. [In Russ.].
9. Mirovickaya, R. Ya. Sovetskij Soyuz v strategii gomin'dana (30–40-e gody) [The Soviet Union in Kuomintang's Strategy]. Moscow, 1990. 234 p. [In Russ.].
10. Erzina, M. I. Stanovlenie i razvitie uigurskoj sovetskoj pečati [Genesis and Development of Uyghurs' Soviet Press]. Alma-Ata, 1988. 149 p. [In Russ.].
11. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (AVP RF) [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AFPRF)]. Fund 100-v [100-c]. List 18. Paper case 41. Case 31. [In Russ.].